

Елена Леонидовна Григорьян

Россия, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Таганрог

Предложение в контексте и вне контекста

Ключевые слова: синтаксис, безличные предложения, пассивные конструкции, синтаксические способы представления ситуаций, синтаксическая семантика, контекст.
Key words: syntax, Russian syntax, impersonal constructions, passive constructions, syntactic representations of situations, syntactic semantics, context.

Abstract

Among various syntactic representations of a particular situation, some are neutral, “natural” and easily understandable without context, while others are context-bound and, though attested in texts, are often estimated as “unnatural” or even unacceptable. Among the factors contributing to the effect of “naturalness” there are some general typological tendencies (animacy hierarchy, etc.), the type of situation, its conformity with a prototype scenario, etc.

Для многих денотативных ситуаций возможно более одного способа синтаксического представления, в том числе при полном или почти полном сохранении лексического состава. Однако такие варианты неравноправны: если одни конструкции воспринимаются как совершенно естественные, понятные и без всякого контекста, в качестве отдельного и самодостаточного высказывания, то другие, взятые изолированно, воспринимаются как не вполне естественные или даже неприемлемые, хотя они реально зафиксированы в текстах.

«Неестественность» можно наглядно проиллюстрировать на примере из «Бесов» Достоевского:

*/1/ Если бы не прибежал в ту же минуту хозяин, то **дрова**, разгоревшись, **наверно бы сожгли дом** (описывается ситуация, когда некто поджёт дрова, сложенные у стены).*

В своё время на одной из конференций этот пример вызвал бурную реакцию слушателей: что за аномальное предложение! Нормальным было бы *Дом бы сгорел!* С такой оценкой, несомненно, согласится любой носитель русского языка. Тем не менее «неестественные» примеры встречаются в текстах

достаточно часто; впрочем, не все они «неестественны» в равной степени. Примечательно, что многие примеры были из общеизвестных, хрестоматийных произведений (даже из школьной программы!), все, несомненно, читали эти тексты (а возможно, и не один раз) – и ничего не заметили, но когда то же самое предложение приводилось в качестве примера и к нему было специально привлечено внимание, оно вызывало чуть ли не протест.

Существенно (и это также было замечено слушателями), что такие предложения обычно замыкают какой-либо отрывок. И в самом деле, нередко приходится приводить подобные примеры вместе с предшествующим текстом (или пересказывать его содержание), чтобы анализируемое предложение воспринималось и было понятно. Можно сказать, что в этом отношении синтаксические конструкции аналогичны свободным или связанным формам.

Приемлемость или же маргинальность конкретных предложений обусловлена несколькими факторами. Параллельно действует целый ряд тенденций, корреляций и предпочтений, которые не всегда совмещаются в конкретных предложениях (однако часто – и, по-видимому, не случайно – совпадают).

Во-первых, не все синтаксические структуры из возможных диатез конкретного глагола в равной степени вероятны, употребительны и «естественны», т.е. достаточно автономны вне контекста. Это связано с некоторыми общими, в том числе типологическими, закономерностями. Так, для глаголов действия, как правило, нейтральной и естественной является конструкция с подлежащим – агенсом (*Сосед открыл дверь ключом*), другие же структуры (типа *ключ открыл дверь* или *камень разбил окно*) несут особые смыслы и трансформируют семантику и/или прагматические характеристики высказывания и являются маркированными (в разных смыслах этого термина). В этом же направлении действует ряд других тенденций, в частности, известная «иерархия одушевлённости», объясняющая предпочтение одушевленных подлежащих неодушевленным, активных – неактивным, конкретных – абстрактным: **человек > другие живые существа > силы природы > предметы** с вариантами: **говорящий > слушающий > люди > животные > неодушевленные**. С ней коррелируют и другие общие тенденции: предпочтение тематических подлежащих рематическим (причём в любом языке! [Козинский, Соколовская 1984]), определённых – неопределённым и т.д., что взаимосвязано. Ср. также: «Естественными и более частыми в реальном мире являются такие положения вещей, при которых более активный от природы одушевленный партиципant воздействует на менее активного, неодушевленного» [Полинская 1989: 185].

Однако для некоторых глаголов ситуация может быть иной, и тогда менее естественной, маркированной оказывается структура с одушевлённым подлежащим-агенсом, которая в этом случае акцентирует семантику намерения, агентивности, каузации и др. из этого ряда. Если в обычных, «типовых» употреблениях структур, описывающих действия, эти соответствия неочевидны в силу естественности такого описания, то в нестандартных употреблениях

становится явной корреляция подлежащего с агентивностью и связанными с ней значениями каузальности и контроля, ср.:

/2/ *Он вытянул свою смугловатую шею, склонил набок голову, засверкал глазами, поднял вверх руку* (Чехов).

В данном примере описывается выступление в суде, целенаправленное действие оратора; ср. *глаза у него засверкали*, что могло бы описывать внешнее впечатление или произвольную реакцию.

/3/ *Ровно в 12 часов гости, **вытянув физиономии**, пробираются из всех комнат в залу* (Чехов)¹.

Ср. стандартное для данного глагола (*у гостя*) *вытянулась физиономия*, описывающая произвольную реакцию, неконтролируемое изменение мимики; в данном же случае гости намеренно создают видимость скорбных чувств, ср.:

/4/ *У прокурора и следователя даже лица **вытянулись**, не того совсем они ожидали* (Достоевский).

Во-вторых, существует некоторая связь между общим типом ситуации (действие, состояние, ощущение, стихийный природный процесс и т.п.) и соответствующей этому типу синтаксической конструкцией. Для разных типов ситуаций нейтральные («естественные») варианты различны. В частности, там, где речь идет о стихийных природных процессах или об ощущениях, безличная конструкция, по-видимому, является нейтральным способом представления: ср. *дороги замело/ метель замела дороги* или классический пример *лодку унесло ветром (течением)* при сомнительном *унес ветер* или не сомнительном, но всё же менее вероятном *лодку унесло течение*. Другое, семантическое различие выступает в примерах типа *он обжѣгся* – результат действия, *его обожгло* – ощущение (или, возможно, серьёзный физический ущерб). Пациентивность, «страдательность» (более точен англоязычный термин *affectedness*) – также одно из основных значений русских безличных предложений, что наглядно проявляется при сопоставлении с соответствующими личными структурами. Характерно, что именно этот тип конструкций обычно используется для описания несчастных случаев. Свойственные безличным предложениям так называемые дативные и посессивные субъекты также типичны для описания перцептивных и иных аффективных ситуаций;

---

¹ Деепричастный оборот реализует ту же актантную схему, но в других морфологических формах. Характерно, что «не вполне естественные» конструкции частотны в придаточных определительных и в причастных оборотах (с той же самой актантной схемой, но, естественно, иначе оформленной морфологически) – т.е. они изначально соединены с другой ситуацией, включены в неё.

нагляден перечень значений для безличных конструкций этого типа, приводимый в работе [Janda 2008: 983]: *damage, death, injury, discomfort, uncontrolled experience*.

Предпочтительность безличных конструкций может быть также связана с прагматическими факторами: известна связь подлежащего с определенностью и презумпцией существования, ср. следующие примеры, незаменимые на соответствующие личные конструкции:

/5/ *Шел он так, будто против воли ветром его несло* (Шолохов).

/6/ *Когда я услышал это, меня как громом поразило!* (Гоголь).

/7/ – *Чтоб его, одноглазого чёрта, возом переехало!* (Гоголь).

Возможно, имеет значение нереферентное употребление слов *ветер, воз* и *гром* (едва ли возможно *будто ветер его нёс* или *чтоб его воз переехал!*). Вместе с тем в данных примерах присутствует и упомянутое выше значение *affectedness* (пациентивности). Показательно употребление таких конструкций в контексте и проклятий, и злопожеланий, как в примере /7/.

Если безличная конструкция является обычным и нейтральным способом описания ситуаций этого рода (т.е. стихийных или же перцептивных и иных аффективных), то описание подобных ситуаций при помощи личных конструкций обычно бывает обусловлено прагматическими факторами и связано с дополнительными функциями: подлежащее (соответствующее дополнению в творительном падеже в безличной конструкции или – иногда – обстоятельством предложно-падежным формам) получает больший коммуникативный вес, является коммуникативно выделенным элементом, который может быть как тематическим, так и рематическим, ср.

/8/ *И радость вдруг перехватила ей дыхание* (Чехов).

В данном примере *радость* – подлежащее – акцентируется, имеет больший коммуникативный вес по сравнению с безличным *и от радости у неё перехватило*² дыхание.

/9/ *Бешенство отняло на минуту язык у господина Голядкина-старшего* (Достоевский) – ср. *от бешенства отнялся язык...* Личная конструкция в данном случае акцентирует слово *бешенство*, т.е. является эмфатическим вариантом.

/10/ *Три года назад во время сильной бури вывернуло с корнем высокую старую сосну, отчего и образовалась эта яма* (Чехов).

Ср. *сильная буря вывернула с корнем сосну*, где *сильная буря* получила бы больший коммуникативный вес, чем в приведенном примере, получила бы дополнительный акцент.

² Существенным является также лексический аспект: для некоторых глаголов (в определенных значениях) более типично безличное употребление.

Это согласуется с известной в синтаксической типологии иерархией актантов по коммуникативному весу: *подлежащее* > *прямое дополнение* > *прочие*. Естественно, таким образом, отсутствие подлежащего автоматически повышает коммуникативный ранг прямого дополнения или других актантов – дативных или генитивных (посессивных). При одушевленности соответствующего актанта, характерной для большинства безличных предложений, проявляется также уже упомянутая выше иерархия одушевлённости. Таким образом, употребление личных конструкций применительно к тем же ситуациям обусловлено определенной коммуникативной структурой высказывания, тогда как безличные конструкции в этом отношении нейтральны.

С другой стороны, для некоторых ситуаций (или для некоторых лексем?) личная конструкция, по-видимому, вообще невозможна:

/11/...а тут как раз и ударь дождиком, да тё-ёплым. *Снег мигом весь съело, пошла из земли трава* (Короленко).

*?дождик/ тепло съело весь снег.

/12/ Под заборами и у крылец уже *навалило* высокие *сугробы* (Чехов).

/13/ По дорогам была непролазная грязь; *две мельницы снесло паводком*, и погода всё становилась хуже (Л. Толстой).

?снес паводок.

/14/ Но домика застройщика он, увь, уже не нашел. *Ветхое барахло начисто слизнуло огнем* (Булгаков).

Для описания данной ситуации скорее всего невозможно *?слизнул огонь; что выделяло бы *огонь*, тогда как в данном контексте более важно *начисто слизнуло*; кроме того, в самой ситуации, представшей перед глазами наблюдателя, огонь не присутствует; наконец, *слизнуло огнём* – достаточно стереотипный способ указания на подобные ситуации.

В свою очередь, при описании ситуаций других типов безличная конструкция вносит новые смыслы:

/15/ У него был сын, младший (*старших побило на войне*)... (Шукшин).

При сравнении с другими возможными (и более вероятными) способами представления данной ситуации выявляются некоторые особенности данной конструкции. Ср. (а) *старших убили на войне* – в неопределенно-личной конструкции подразумеваются люди, гибель сыновей представлена как результат их действий; (б) *старшие погибли на войне*. В приведенном примере /15/ присутствует момент стихийности, война представлена как нечто подобное стихийному бедствию; кроме того, как и в других безличных предложениях, существенно значение пациентивности (*affectedness*).

Аналогична ситуация с пассивными конструкциями применительно к представлению определённых типов ситуаций. Хотя традиционно пассив с полным основанием считается производной и маркированной структурой, тогда как

актив с агентивным подлежащим принято рассматривать как исходный, немаркированный и нейтральный вариант, однако для описательных текстов соотношение противоположное. Так, пассивная конструкция типа **(а)** *стол был покрыт белой скатертью* является нейтральным, немаркированным способом для описания состояний (положений), возникших в результате действия; что вполне объяснимо, т.к. в типичном случае пассивы (в основном без агентивного дополнения) выражают состояния, связаны со статичностью, эвиденциальностью и т.д. Другие синтаксические варианты представления таких ситуаций – структуры действительного залога – маркированы (т.е. содержат дополнительные признаки) и ограничены в употреблении.

Та же денотативная ситуация может передаваться вполне стандартной действительной конструкцией типа **(б)** *стол покрыли белой скатертью*, которая описывает состояние через указание на действие или событие, приведшее к соответствующему состоянию, т.е. представляет собой метонимический (и ретроспективный) способ представления ситуации.

Для таких же описательных контекстов существует ещё один синтаксический способ – типа **(в)** *белая скатерть покрывала стол*, т.е. конструкция, реализующая производную диатезу действительного залога, в которой подлежащим является не агенс, а средство (инструмент и другие родственные значения); этот способ является эмфатическим вариантом представления этой же ситуации, выделяющим актанта, оформленный как подлежащее:

/16/ *Тут я оказался в шатре. Зеленый шелк затягивал потолок, радиусами расходясь от центра, в котором горел хрустальный фонарь* (Булгаков).

Ср. *потолок был затянут зеленым шелком* – пассивная конструкция представляется нейтральной, более «естественной», обычной для описания подобной ситуации.

/17/ [*когда икона к нам попала, она была с гребешками, со вздутиями...*] *Лак чудовищный, чуть ли не паркетный, покрывал её поверхность* (телепрограмма «Новости культуры», 15.05.2013; из речи реставратора).

Слово *лак* и связанные с ним определения соответственно были выделены интонационно. Ср. *её поверхность была покрыта чудовищным, чуть ли не паркетным лаком*, что в меньшей степени выделяло бы *лак* и относящиеся к этому слову определения.

Примечательно, что в описательных контекстах могут также употребляться пассивные конструкции с выраженным агентивным дополнением или иным способом указания на причину, которая привела к наблюдаемому положению дел; в этом случае они совмещают способы изображения, представленные моделями, обозначенными выше как тип **(а)** и тип **(б)**; но даже и в таких случаях страдательная конструкция может быть необратима в действительную (или сомнительна в этом отношении):

/18/ *Внешность «Летописца» имеет вид самый настоящий, то есть такой, который не позволяет ни на минуту усомниться в его подлинности; листы его так же желты и испещрены каракулями, так же **изъедены мышами и загажены мухами**, как и листы любого памятника погодинского древнехранилища (Салтыков-Щедрин).*

/19/ *Железная когда-то зеленая крыша, давно не крашенная, краснела от ржавчины, и несколько листов **были задраны** кверху, вероятно **бурей**; тес, которым был обшит дом, **был ободран** местами **людьми**, обдиравшими его там, где он легче отдирался (Л. Толстой).*

/20/ ***Всё прожжено от падающих углей и папирос** (Цветаева).*

Ср. ^{??}*Всё прожгли падающие угли и папиросы* – возможный, но явно экспрессивный вариант, выделяющий подлежащие.

В приведённых примерах это ограничение связано с тем, что соответствующие актанты отсутствуют в описываемой ситуации применительно к временному плану текста. Для художественных текстов может быть существенно, что состояние синхронно описываемому в тексте моменту «времени наблюдателя» [Падучева 1996], тогда как приведшее к нему действие или иное приведшее к наблюдаемому состоянию событие ему предшествует и может находиться за временными рамками текста; соответственно, в примере /18/ описывается вид документа в то время, когда он предстал перед глазами рассказчика, однако упомянутые мыши и мухи в описываемый момент отсутствуют; аналогично буря и люди в примере /19/, угли и папиросы в /20/.

Вместе с тем данное ограничение указывает на неравноценность рассмотренных синтаксических способов представления ситуации.

Третий фактор, определяющий естественность или «неестественность» конкретного синтаксического представления – характер ситуации, задаваемой в предложении, а именно её стандартность, соответствие какому-либо прототипическому сценарию. Часто приводимое в работах по падежной грамматике предложение *Ключ открыл дверь* для некоторых носителей языка звучит как неестественное; однако, по-видимому, любой согласится, что *Отвёртка открыла дверь* или тем более *Ноготь открыл дверь* (если вспомнить случай с инженером Щукиным) существенно менее естественны, если вообще возможны.

Известно, что всё нестандартное требует экспликации (как в примере /1/)³. Именно поэтому предметные имена в значении причин не всегда допустимы без экспликации, ср.:

/21/ *Кузьму будил **стук дверей** и **шуршанье мёрзлой соломы**, которую таскал из розвальней Кошель (Бунин).*

³ Существенным является также лексический аспект: для некоторых глаголов (в определенных значениях) более типично безличное употребление.

Вариант **Кузьму будили двери и солома* невозможен, тогда как предложение *Меня разбудил телефон* совершенно обычно, прозрачно и не требует никаких пояснений, т.к. задаёт стандартную ситуацию.

Ср. также примеры, в которых выделенные конструкции именно по этой причине вообще не могут быть интерпретированы вне контекста:

/22/ ...десять томов Михайловского один за другим свалились с полки; один **том ударил его по голове**; остальные же попадали вниз прямо на лампы и разбили два ламповых шара (Чехов).

/23/ Извиваясь, обрывая одежду, царапая до крови тело об острые уступы, ползли в сырой, придавленной темноте. Иногда Петьку больно **били по голове сапоги Якова** (Шолохов).

Таким образом, применительно к различным типам ситуаций свободные формы – т.е. синтаксические способы представления, контекстно не связанные и не отягощенные дополнительными семантическими «довесками» и прагматическими функциями, – оказываются различными. Одни и те же структуры могут являться «свободными формами» применительно к одним ситуациям (т.е. быть нейтральным, «естественным» способом их представления) и несвободными, т.е. контекстно зависимыми для других случаев, как было показано выше для безличных и пассивных конструкций. Таким образом, исходная, нейтральная структура может оказаться маркированной или маргинальной для некоторых типов ситуаций, а на лексическом уровне – для некоторых типов глаголов или даже для конкретных лексем.

Итак, естественность или неестественность конкретного синтаксического способа выражения, его приемлемость или неприемлемость (или степень его приемлемости вне контекста) обусловлена тремя типами факторов: во-первых, некоторыми общими типологическими закономерностями, в частности, иерархией одушевлённости, корреляцией подлежащего с семантикой агентивности и каузальности и др.; во-вторых, корреляциями между типом ситуации (действие, статическое состояние, ощущение, стихийный процесс) и определённой синтаксической структурой; в-третьих, стандартностью описываемой ситуации, её соответствием или несоответствием какому-либо прототипическому сценарию.

Напрашивается также вывод другого порядка: не стоит безоговорочно принимать суждения носителей языка о приемлемости или же невозможности конкретных предложений или полностью полагаться на собственное языковое чутьё. Но с другой стороны, эти данные говорят не о правильности или недопустимости тех или иных языковых форм, а прежде всего о восприятии носителей языка, о языковой интуиции – что также должно учитываться при описании и интерпретации языковых структур.

Литература

- Козинский И., Соколовская Н., 1984, О соотношении актуального и синтаксического членения в синхронии и диахронии [в:] Солнцев В.М. (ред.), *Восточное языкознание. Грамматическое и актуальное членение предложения*, Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы.
- Падучева Е., 1996, *Семантические исследования*, Москва: Школа «Языки русской культуры».
- Полинская М., 1989, О порядке слов ДПС [в:] Вардуть И.Ф. (ред.), *Очерки типологии порядка слов*, Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, с. 184–207.
- Janda L., 2008, Transitivity in Russian from the cognitive perspective [в:] *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст*, Сб. ст. в честь Е.В. Падучевой, Москва: Языки славянских культур, с. 970–988.